

13. Прудников В.Е. Русские педагоги – математики XVIII–XIX веков : пособие для учителей / В.Е. Прудников. – М. : Учпедгиз, 1956. – 640 с.
14. Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России: Из прошлого русского естествознания / Б.Е. Райков ; отв. ред. С.И. Вавилов ; АН СССР. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – 264 с.
15. Русская цивилизация [Электронный ресурс] : Информ.-аналит. и энцикл. портал. – Режим доступа: www.rustrana.ru.
16. Русский биографический словарь [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.rulex.ru>.
17. Рябухин В.И. Первые шаги математического образования на Урале / В.И. Рябухин // На Западном Урале. Вып. 6. – Пермь, 1974. – С. 295–300.
18. Словопедия [Электронный ресурс] : Большой энцикл. словарь – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com>.
19. Смагина Г.И. Академия наук и развитие образования в России в XVIII веке / Г.И. Смагина // Вестник Российской Академии наук. – 2000. – Т. 70, № 7. – С. 635–644.
20. Толковые словари [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.fio.by/vypusk/Potok_61/group_4/user_7/tolk.htm.

О.В. Шабаршина

НБ НТГСПА, Нижний Тагил

«Книга – почтой» во второй половине XIX – начале XX века: региональные особенности

П.А. Сорокин относил почту, телеграф, телефон и железные дороги к «социальным проводникам», от которых зависела насыщенность культурной жизни в целом, от себя добавим, и уровень книжной культуры в частности. Стремительный скачок в развитии культурно-информационной системы происходил на протяжении всего пореформенного периода. Развитие коммуникационных связей в это время было показателем «интенсивности взаимодействия людей», а следовательно, быстроты обмена разнообразной информацией [12, с. 285]. Коммуникации меняли представление человека о времени и пространстве. Географическое пространство переставало совпадать с пространством социальным, которое сокращалось благодаря возможности преодоления его через «социальные проводники». Почта была наиболее распространенным средством передачи информации. Ее значимость в культурной жизни возрастала по мере распространения в обществе грамотности и образованности, интереса к книге, потребности в общении. Расширяя возможности и регионы общения людей, почта способствовала формированию общественно-культурной среды. Ее развитие и совершенствование были показателем культурного потенциала общества и являлось одним из факторов социокультурного динамизма.

Реализация книжной продукции представляет собой завершающую стадию издательского дела и означает ее доставку конечному потребителю, т.е. читателю. В книжной торговле выделяется форма продажи (продвижения) товара без использования посредника, т.е. непосредственно покупателю, которую называют «прямой маркетинг» [35]. Развитие коммуникационных связей во второй половине XIX – начале XX в. сформировало вариативную систему книжной торговли, предлагающую различные схемы реализации в зависимости от многих факторов: вида издания, финансовых возможностей издательства и потенциального покупателя, развития транспортной системы того или иного региона и т.д. Торговля по системе «книга – почтой» является традиционным направлением прямого маркетинга и представляет собой наиболее разветвленную и доступную систему.

Рекламные объявления в периодических изданиях, законодательные акты, источники личного происхождения, книги, сохранившиеся в библиотеках, послужили основой для описания особенностей осуществления книжной торговли по системе «книга – почтой» во второй половине XIX – начале XX в. на Урале.

Своим появлением в России, как и в других странах, почта обязана государству. В 1665 г. по указу Алексея Михайловича была учреждена постоянная служба «для пересылки государственных бумаг». При Петре I существовала ординарная почта от Петербурга «до всех знатных городов». Во второй половине XVIII в., при Екатерине II, почтовыми дорогами начали соединяться не только губернские, но и уездные города. Однако полностью это было осуществлено только в XIX в., тогда и произошли большие изменения в почтовом деле.

Особенностью организации почтовой связи на Урале было ее подчинение с момента образования в 1754 г. [24, с. 231–233] и до 1871 г. горному ведомству [7, л. 1–2], тогда как на всей остальной территории империи почтовые станции и конторы находились в ведении почтовых канцелярий губернаторов.

Работа почты, скорость доставки писем, посылок во многом зависели от состояния дорог. В первой половине XIX в. это были в основном грунтовые дороги, плохо проходимые весной и осенью. Все почтовые тракты разделялись на разряды: столичный (соединяющий Москву и Петербург), генеральные тракты (от столиц к границам государства и губернским городам), дороги между губернскими центрами и все прочие (проселочные). Из почтовых операций в начале XIX в. преобладала казенная переписка – местной администрации, войсковых соединений и т.д. Изменение в соотношении казенной и частной корреспонденции происходит в пореформенное время, тогда же почта становится средством распространения газет, журналов, книг в провинции.

На состояние почтово-посылочной книжной торговли большое влияние оказало расширение сети железных дорог. Если развитие экономики лишь косвенно стимулировало рост книгопечатания, повышая покупательную способность населения, увеличивая оборачиваемость капиталов книготорговых организаций, то расширение сети железных дорог напрямую способствовало росту книжного производства. Книги – довольно тяжелый груз, перевозить его на лошадях на большие расстояния было дорого и невыгодно. Зимний путь удешевлял перевозку, но доставка книг при этом происходила очень медленно. М.В. Муратов отмечал, что «даже между Петербургом и Москвой перевозка книг обходилась настолько дорого, что <...> комиссионер Академии наук И.П. Глазунов выговорил в свое время себе право повышать при продаже в Москве номинальную стоимость академических изданий на 15%» [17, с. 98–99]. Так, неразвитый провинциальный книжный рынок тормозил рост и производство книготорговых предприятий.

История Уральской железной дороги началась 1 октября 1878 г., когда было открыто постоянное движение товарных, пассажирских и почтово-товарных поездов между Пермью и Екатеринбургом [18, с. 16]. Состав проходил этот путь (468 верст) за 20 час 35 мин [18, с. 18]. С появлением постоянного железнодорожного сообщения между уральскими центрами количество перевезенных грузов год от года увеличивалось (в период с 1888 по 1892 г. оно составило 32 %) [18, с. 19 (подсчеты автора)]. К 90-м гг. XIX в. почтово-пассажирские поезда ходили по двум линиям Уральской железной дороги: «Екатеринбург – Пермь» и «Екатеринбург – Тюмень» [18, с. 18]. Увеличивая протяженность, сеть железнодорожных путей включала в себя все большее количество населенных пунктов Урала. В ноябре 1896 г. к Уральской железной дороге добавилась линия «Челябинск – Кыштым – Верхний Уфалей – Екатеринбург» [18, с. 48]. В 1896 г. Пермская железная дорога соединилась с общей сетью железных дорог в России [15, с. 1 (отд. паг.)]. К 1 января 1899 г. общая протяженность российских железных дорог (кроме Финляндии) составляла 41,2 тыс. верст, из них почти 4 тыс. (или 10%) на Урале: Пермско-Тюменская – почти

1,3 тыс., Самаро-Златоустская – 1,4 тыс., Сибирская (Челябинск – Обь) – 1,3 тыс. [27, с. 358 (подсчеты автора)].

Железнодорожники производили учет грузов по количеству и наименованиям. По их подсчетам, в 1890 г. из «главнейших станций, на которых производилась нагрузка книжного товара и учебных пособий», были Пермь (8,6 тыс. пуд.) и Екатеринбург (0,9 тыс. пуд.), а из «станций, получивших наибольшее количество» такого груза – Екатеринбург (4,3 тыс. пуд.), Тура (2,7 тыс. пуд.) и Тюмень (1,4 тыс. пуд.). Всего по железным дорогам Урала в 1890 г. было перевезено более 10 тыс. пудов «книжного товара», 32 тыс. – «писчей и печатной бумаги» и 434 пудов «картин всяких» [29, с. 161 (отд. паг.)]. В начале XX в. стали учитывать «бумагу, картон и изделия», которых в 1901 г. отправили и получили почти 14 тыс. пуд., в 1902 г. почти в три раза больше – около 40 тыс. [18, с. 41].

С развитием железных дорог менялись расстояния между населенными пунктами, закрывались почтовые отделения, которые оставались в стороне от железнодорожного полотна, и открывались новые на железнодорожных станциях. Так, в декабре 1880 г. на основании рапорта министра почт и телеграфов Сенат принял указ «Об изменении протяжения некоторых почтовых станций, об открытии новых почтовых трактов, учреждении вольных почт на станциях Оренбургской и Пермской губернии и о закрытии некоторых почтовых станций в Пермской губернии» [25, с. 762–763]. Согласно указу, вольные почты учреждались в Оренбургской губернии на четырех станциях, в Пермской – на 19, но в то же время «по случаю направления почт и проезжающих по Уральской железной дороге» на ее территории закрывалось 5 почтовых станций [25, с. 763].

Расширение транспортной сети потребовало изменения и усовершенствования работы почтово-телеграфных отделений. На основании закона от 24 января 1900 г. «Об организации почтовых операций на станциях железных дорог и в волостных правлениях» с 1 сентября 1909 г. при волостных правлениях и сельских управлениях Пермской губернии открывались новые почтовые отделения. К «почтовым операциям» по этому закону относились: «продажа знаков оплаты почтовой корреспонденции, прием и выдача простой и заказной письменной корреспонденции (письма и бандерольные отправления) внутренней и международной, прием и выдача денежных пакетов и посылок, за исключением международных» [26, с. 44]. В десяти уездах губернии это нововведение касалось 46 сельских правлений [2, с. 130 (отд. паг.)]. Наибольшее количество таких правлений находилось в Верхотурском уезде – 13. Вызвано это было, с одной стороны, большой площадью уезда, с другой – окружной системой ведения горнозаводского дела, которая требовала в производственных целях нового вида связи. На вознаграждение заведующим и на канцелярские нужды главным правлением почт и телеграфов было выделено по 140 руб. в год на каждое отделение, т.е., всего 6,4 тыс. руб. [26, с. 44]. Очень щедрое финансирование, но так было не всегда. До открытия железнодорожного сообщения развитие почты шло за счет владельцев частных заводов. И лишь когда работа вновь открытых отделений давала положительный результат, казна брала на себя расходы по содержанию. Так, в мае 1875 г. екатеринбургский почтмейстер вступил в переписку с управляющим Сергинскими заводами по поводу открытия почтовой станции для «тамошнего общества и жителей» на следующих условиях: заводоуправление выделяет помещение, отопливает его и освещает за свой счет, назначает ответственное лицо и три года выплачивает в казну по 40 руб. Управляющий для принятия решения просит составить справку «о годичных расходах на содержание постоянного почтаря и всех случаев, [в] которых расходуются прогоны на нарочных до Билимбаевского завода». Контролер заводоуправления сообщает, что «почтарю, который занимается единственно отвозом в Билимбаевскую почтовую контору и привозом оттуда корреспонденции», положен окладного в год жалованья 200 руб., «кроме его в течение года употребляемых нарочными и других расходов в год до 30 руб.». Эти сведения помогли заводоуправлению довольно быстро дать екатеринбургскому почтмейстеру «полное согласие, но с тем, чтобы прием и выдача не только простой корреспонденции, но и всякой

корреспонденции производилась в неделю 2 раза». Это требование опекуна Сергинско-Уфалейских горных заводов было соблюдено, а в дальнейшем количество дней работы почтового отделения увеличено до 4 дней в неделю: из заводского поселка почта уходила во вторник и пятницу, а получали ее в четверг и воскресенье [9, л. 5–7.].

В адрес-календарях, местных периодических изданиях для информирования населения печатались списки всех почтово-телеграфных учреждений губернии, время отправления и получения корреспонденции по временам года и видам транспорта. Всего таких учреждений в губернии функционировало: в 1892 г. – 51, через пять лет – в 1897 г. – на 33 больше – 81. Почти половина из них – 48% – находилась при заводах, что было вызвано, в первую очередь, производственной необходимостью, а во-вторых, потребностью в почтовых услугах более грамотного заводского населения. Остальные 25% в городах и еще 27% – в крупных селах [28, с. 99 (отд. паг.) (подсчеты автора)].

В России в 1893 г. было чуть более 6,1 тыс. почтовых учреждений. По этому показателю Российская империя занимала одно из первых мест в числе 25 крупнейших стран после США, Германии, Великобритании, Остиндии (Британской) и Италии. Но количество не говорит о качестве, о качестве свидетельствует то, сколько человек обслуживает одно почтовое учреждение. Самым комфортным для населения можно назвать количество почтовых учреждений в Люксембурге, где в 90-х гг. XIX в. одно отделение приходилось на 274 человека. Следующий показатель у Швейцарии – 877 и США – 887. Россия в этом плане была на 20-м месте – 12054 человека [30]. К примеру, в Пермской губернии одно почтовое отделение обслуживало почти 55,1 тыс. человек, в уральских городах этот показатель был даже лучше общероссийского – 11,7 тыс. человек.

Из общего количества почтовых учреждений Пермской губернии ежедневно получали корреспонденцию 31%, четыре раза в неделю – 10%, три раза – 20%, два раза – 39%. В целом по России в 1896 г. почтовых отделений, получающих почту каждый день, было в два раза больше, чем на Урале, – 64%, шесть раз в неделю – 1%, пять раз – 1%, четыре раза – 6%, три – 11%, два – 16% и один – 1% [21, с. 182–187 (подсчеты автора)]. Сравнивая показатели, нужно иметь в виду, что в Российской империи даже в конце XIX в. были почтовые отделения, где корреспонденцию получали 1–2 раза в месяц и 3–2 раза в год [22, с. 808]. Заметим, что для крупных европейских городов в этот период считалось достаточной четырех- или пятикратная доставка корреспонденции в течение дня, а для сельской местности, например в Германии, «ежедневная двукратная доставка» – не только достаточной, но и опережающей потребности [22, с. 808].

В большинстве почтовых отделений на Урале отправка и получение корреспонденции происходили ежедневно раз в сутки, но были и исключения. Так, из губернской Перми в Россию летом почта отправлялась ежедневно на пароходах братьев Каменских, зимой (с 1 октября по 1 мая) – трактом также каждый день, а из Сибири ежедневно по железной дороге, трактом же из Екатеринбурга через Кунгур (до открытия железнодорожного сообщения в 1909 г. [18, с. 96]) только по понедельникам, средам и пятницам. Окружной город Березов, «цивилизованному миру известный как место политической ссылки», был связан «с внешним миром как летом, так зимой» рекой Сосьвой. Поэтому в период весеннего и осеннего ледокола город не имел никакой связи, кроме этих полутора месяцев почта приходила и уходила раз в две недели [10, с. 620]. На Северный Урал регулярное почтовое сообщение пришло только в начале XX в., с введением в эксплуатацию Богословско-Сосьвинской железной дороги. В Сосьвинском заводе почтовое отделение было открыто в 1904 г. [8, л. 3]. Почтовая дорога на город Курган, проходившая в стороне от Сибирского тракта, значительно увеличивала срок доставки почты: из Санкт-Петербурга почта шала 14 дней, а во время распутицы – 25. Из европейской России почтовая станция получала и отправляла корреспонденцию два раза в неделю, из Восточной Сибири – один раз. Летом 1881 г. был проложен новый почтовый тракт (через Шадринск), которым «Кур-

ган приблизился к европейской России, если измерять расстояние скоростью прихода почты» [13, с. 428].

О качестве почтовых услуг говорит количество почтовых ящиков (в городах Российской империи они появились в 1848 г.) и то, как часто вынимается из них корреспонденция. В Пермской губернии в середине 90-х гг. XIX в. было 135 ящиков на 84 почтовых учреждения [27, с. 99 (отд. паг.)]. В Перми в 1907 г. было 25 городских почтовых ящиков и 34 именных, корреспонденция из них изымалась и отправлялась 4 раза в сутки [4, л. 99, 100 Об.]. В 1911 г. их количество увеличилось до 36 [31, с. 170 (отд. паг.)]. В 1909 г. в Юго-Камском заводе ящик был только один, но установленный у подъезда почтового отделения, корреспонденция из него вынималась три раза в день: «в 2 часа дня, в 7 часов вечера и за один час до отхода почты» [5, л. 14–18 (с оборотами)]. Всего в России за период с 1883 по 1896 г. количество почтовых ящиков возросло в 1,6 раз (с 8,5 тыс. до 13,7 тыс.) [22, с. 810].

Законодательной основой для почтово-посылочной книжной торговли во второй половине XIX – начале XX в. был Почтовый устав, принятый в 1857 г. [33, с. 3–88 (тетр. 30)]. Он содержал правовые нормы, сформулированные в более ранних узаконениях и вновь принятые, отражающие современное развитие почтовых учреждений и потребности населения в их услугах. Например, статья 121 соответствовала законодательным нормам законов от 30 сентября 1799 г. и от 19 августа 1802 г., а 332-я – Высочайшему повелению от 11 марта 1810 г. и Положению Комитета Министров от 10 июня 1819 г. В документе «Указатель статей Устава Почтового, измененных, дополненных, замененных, исключенных или отмененных» все 544 статьи подверглись каким-либо изменениям. Более 200 статей оказалось замененными полностью, около 50 были отменены, а дополнения, как правило, касались изменения тарифов на почтовые услуги [32, с. 1–3 (отд. паг.)].

Почтово-посылочная торговля осуществлялась в Российской империи по льготным тарифам. В 1872 г. по всем почтовым округам был разослан циркуляр «Об изменении таксы весового сбора за посылки» [6, л. 6 Об.–8]. Плата за посылки зависела от веса и расстояния: «не свыше 2500 верст <...>: до 300 верст по 3 коп. с фунта (409,5 г), свыше 300 верст до 400 верст по 4 коп. с фунта, свыше 400 верст до 500 верст по 5 коп. с фунта и т.д.; прогрессивно увеличивалась плата на 1 коп. за каждое дальнейшее расстояние до 100 верст; свыше 2500 верст: 2500–2750 верст по 26 коп. с фунта, 2750–3000 верст по 27 коп. с фунта, 3000–3250 верст по 28 коп. с фунта, 3250–3500 верст по 29 коп. и т.д.» [6, л. 6 Об.]. По этим правилам устанавливался и низший размер весового сбора за каждую посылку – 10 коп. на любое расстояние. Кроме этого, отправитель всегда платил 5 коп. за расписку о приеме посылки. Для посылок с книгами («печатными или литографированными для чтения») низший размер весового сбора не определялся, а при отправлении их на расстояние свыше 1500 в. назначалась «льготная такса весового сбора, а именно на расстояние от 1501 версты до 2500 верст по 16 коп. с фунта, от 2501 версты до 5000 верст по 18 коп. и от 5001 версты на всякое дальнейшее расстояние по 20 коп. с фунта» [6, л. 7]. Учитывая, что расстояние от Перми до Санкт-Петербурга составляло 1872 версты, до Москвы – 1404 [21, с. 37 (отд. паг.)], а вес книги, как правило, составлял один фунт, жители Пермской губернии платили за услугу «книга – почтой» 16 коп.

Почтовики «под книгою в смысле приема ее для пересылки по уменьшенной таксе» понимали «вообще всякое брошюрованное печатное или литографированное произведение, в переплете или без оного и могущее служить для чтения». Функциональное назначение имело определяющее значение для почты. То, что нельзя читать, например «ноты, книги для ведения счетов, брошюрованные географические карты и т.п.», не признавалось «за такие книги, за которые взимается весовой сбор в уменьшенных размерах, <...> напротив же, брошюрованные прописи, если их можно прочитывать, должны быть причислены к разряду книг» [6, л. 7].

Для того чтобы воспользоваться льготными тарифами, устанавливались следующие правила. Отправитель должен был предоставить посылку на почту открытой, т.е. «не заделанную окончательно, для удостоверения, что в посылку ничего другого, кроме книг, не вложено». На посылке должна быть сделана надпись «с книгами». На чиновника, принимающего посылку с книгами, ложилась обязанность «тщательно осмотреть вложение в посылке» [6, л. 7 Об.]. Если в посылке окажутся «незаконные вложения», нужно было убирать либо их, либо надпись «с книгами». При получении посылка вскрывалась почтовым чиновником при получателе и производился ее осмотр. Если обнаруживалось, что в ней имеются не только книги, «но и другие предметы», то составлялся акт с подробным указанием предметов, вложенных в посылку, который подписывался «всеми лицами почтового и контрольного (где таковые будут) ведомства, находившимися при вскрытии» и «присутствующим при этом получателем посылки» [6, л. 7 Об.]. Проводилось служебное расследование. «Виновные почтовые чиновники» подвергались «строгой ответственности», а «посылка со всем находящимся в ней вложенным» подлежала конфискации. Четвертая часть вырученных денег от продажи конфискованных предметов отдавалась «открывателю потаенного вложения», а остальные деньги поступали в казну [6, л. 7].

В источниках личного происхождения, художественной литературе, периодической печати сохранились свидетельства о роли почты в читательских биографиях уральцев и качестве почтовых услуг.

Российский феномен «толстых литературных журналов» невозможен был без провинциальных читателей. В.Б. Шкловский отмечал, что роль журнала заключалась в том, чтобы «служить связью между местом и центром» [34]. «Журнализации» русской литературы способствовала эффективная работа почты. Услуга «книга – почтой» позволяла уральцам комплектовать личные библиотеки, полностью удовлетворяя собственные читательские вкусы.

В 1862 г. пермский книгопродавец Ильищев сетовал на дороговизну услуги «книга – почтой» для оптовых покупателей: «Мы бы желали, чтобы книги не обходились нам дорого, для этого лучше, не выписывая через почту, закупать их в Нижегородской ярмарке и доставлять сюда в числе прочего товара; выписка же книг через почту, конечно, будет стоит дороже, и не мудрено, отобьет у другого охоту покупать их» [11, с. 289]. Д.Н. Мамин-Сибиряк в очерке «О книге» писал, что первую детскую книгу «Детский мир» К. Ушинского семья висимского священника заказала по почте из Петербурга и ждала «ее каждый день в течение чуть не трех месяцев. Наконец она явилась и была, конечно, с жадностью прочитана от доски до доски. С этой книги началась новая эра» [14]. Эти воспоминания относятся ко второй половине 60-х гг. XIX в. Тагильчанин Валентин Моисеев, рассказывая о своем прадеде, служившем в 1914 г. учителем музыки в женской гимназии в Кушвинском заводе, пишет, что тот получал ноты из Москвы «от знаменитого издателя П. Юргенсона» и что посылка доходила за пять дней [16, с. 77]. В начале XX в. заказать книги можно было, отправив почтовую открытку со своим заказом в издательство. «Прошу выслать книг по следующему адресу: Нижне-Тагильский завод, Пермская губерния Верхотурского уезда, Больше-Рудянская № 25. В.А. Соловьеву для В.», – открытка с таким текстом была отправлена в Петроград (Поварской переулок, 10) в книгоиздательство «Прометей» [23]. Владелец издательства Н.Н. Михайлов публиковал в своих книгах списки всех изданных произведений. Так, например, в книге Августа Бебеля «Христианство и социализм» (СПб., 1908) каталог занимал 18 из 41 страницы [36]. Читатель, однажды познакомившись с книжной продукцией этого книгоиздательства, мог заказать понравившиеся издания по почте.

Информация о новых книгах печаталась не только в прикнижной рекламе, узнать о книжных новинках можно было из объявлений в городских газетах. Так, Христофор Иванович Петров, проживавший в Санкт-Петербурге, на свой домашний адрес («по Фонтанке близ Английского проспекта, д. 143, кв. 16»), просил обращаться иногородних с требова-

ниями на приобретение книг. В объявлении было перечислено 14 изданий по домоводству, рукоделиям и здоровью. Последние довольно пикантного содержания. Например, «Практические врачебные наставления вступившим в брак, содержащие в себе правила для сохранения физических способностей в брачной жизни до глубокой старости с присокуплением описания половой жизни женщины. Сочинение доктора медицины Р. Фернау. Издание четвертое с рисунками. Цена 1 руб. 50 коп.», «О зачатии и зарождении младенцев, об укреплении ослабевших мужских членов и об излечении от онанизма, как мужчин, так и женщин; сочинение полезное и понятное для всякого, кто только желает вполне постигнуть эти важные предметы. Сочинение доктора медицины и профессора Парижского университета Мореля де Рюбомиро. Издание третье. Цена 1 руб. 50 коп. с пересылкою» и т.п. [19, с. 492]. Государство любой страны всегда независимо от политического режима строго стояло на страже нравственности. В России преследование печатных изданий, признанных непристойными, порнографическими, осуществлялось независимо от политического режима. Функции полиции и деятельность цензуры в этой сфере в какой-то степени соответствовали ожиданиям общества. Видимо, указанные сочинения цензоры посчитали вполне пристойными, а издатели газеты «Екатеринбургская неделя» вполне достойными публикации их рекламы.

Столичные книготорговые предприятия использовали для своей рекламы адрес-календари, понимая, что в таких «серьезных» губернских изданиях на нее обратят внимание «серьезные» читатели-покупатели. Так, торговый дом «Н. Фену и Компания» (Санкт-Петербург, Невский пр., д. Армянской церкви) предлагал своим заказчикам из провинции для выбора книжной продукции бесплатные каталоги, с помощью которых можно было выбрать «учебную литературу для всех учебных заведений (переплеты в 10 и 15 коп.), научные и беллетристические сочинения для детского чтения, дешевые издания для школы и народа, книги для подарков в изящных папках и переплетах» [20].

Таким образом, выступая в роли посредника между читателями и издателями, почта способствовала развитию культуры чтения в регионах. Известно, что «в степени интенсивности почтового дела (отношение числа почтовых учреждений к поверхности и количеству населения, число и оживленность почтовых сообщений, число доставок корреспонденции и очисток почтовых ящиков в течение дня, число почтовых отправок, приходящихся на тысячу жителей и т.п.) принято усматривать один из наиболее характерных признаков культурного развития страны» [22, с. 808]. Именно поэтому в России, так же как в Соединенных Штатах и Германии, за счет казенных средств содержались даже те почтовые направления, которые были невыгодны, но таким образом государство способствовало «общекультурным целям» [22, с. 809]. Современники отмечали, что развитие образования и «духовная сторона благосостояния идет рука об руку с развитием материальных благ» [1, с. 228]. Корреспондент «Русского богатства» приводил впечатляющие цифры о том, как введение всеобщего начального образования в Англии изменило социокультурную ситуацию в стране. Увеличение государственных расходов на образование уменьшило расход на содержание тюрем («ибо в Англии ныне ровно вдвое менее преступников, чем было десять лет назад») и увеличило «во многих видах лишний доход». «Лишними» автор статьи назвал доходы, полученные государством от почтовых услуг. «Англичане, – отмечает журналист в 1886 г., – большие любители писать, и собственно в Англии на каждого жителя приходится в год 43 письма, а в Ирландии только 18» [1, с. 228].

Почтово-посылочная книжная торговля, являясь одной из форм внемагазинной розничной торговли, особенно актуальной становится с повышением уровня грамотности населения провинциальных районов, где книжная торговля или не развивалась, или могла предоставить лишь ограниченный ассортимент услуг. Во второй половине XIX – начале XX в. высокие темпы развития железнодорожного строительства и почтовой связи создали условия для доставки книг по почте в уральские города и заводские поселки. Впослед-

ствии почтово-посылочная книжная торговля динамично развивалась и наращивала объемы своей деятельности, так как являлась наиболее экономичной и самой мобильной формой розничной торговли. Важными причинами ее роста было недостаточное количество в провинции книжных магазинов и отсутствие договора о поддержании розничных цен. Э. Гамс при изучении американского опыта аргументированно доказывает, что «почтово-посылочная книжная торговля является одной из самых устойчивых форм розничной торговли, так как в любых экономических ситуациях существует контингент покупателей, для которого данный вид услуги необходим или выгоден» [3]. По нашему мнению, личные книжные собрания, фонды библиотек различного типа и вида на Урале во второй половине XIX – начале XX в. также формировались благодаря доступной услуге «книга – почтой».

Примечания

1. А.М. Что делается за границей / А.М. // Русское богатство. – 1887. – № 12.
2. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1910 г. – Пермь, 1909.
3. Гамс Э. Почтово-посылочная книжная торговля [Электронный ресурс] / Э. Гамс // Режим доступа: <http://www.uprav.biz/materials/marketing/view/4518.html>.
4. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 19.
5. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 20.
6. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 274.
7. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 756.
8. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 565.
9. ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 211.
10. Д.Р. Н. Березов / Д.Р. // Екатеринбургская неделя. – 1881. – 18 нояб. (№ 45).
11. Ильищев. Б. н. / Ильищев // Пермские губернские ведомости. – 1862. – 4 мая (№ 18). – Ч. неофиц.
12. История русской культуры IX–XX вв. : учеб. пособие / под. ред. Л.В. Кошман. – 5-е изд., стереотип. – М., 2004.
13. К.К. Р. Курган. Тобольская губерния / К.К. Р. Курган // Екатеринбургская неделя. – 1881. – 12 авг. (№ 31).
14. Мамин-Сибиряк Д.Н. О книге / Д.Н. Мамин-Сибиряк // Собр. соч. : в 12 т. – Свердловск, 1951. – Т. 12. – С. 97.
15. Месяцеслов // Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1904 год. – Пермь, 1904.
16. Моисеев В. У горбатого моста: фрагменты очерка / В. Моисеев // Уральский следопыт. – 2007. – № 8.
17. Муратов М.В. Книжное дело в России в XIX и XX веках: очерк истории книгоиздательства и книготорговли / М.В. Муратов. 1800–1917 годы. – М. ; Л., 1931.
18. Начальники Свердловской железной дороги 1878–2003. – Екатеринбург, 2003.
19. Объявления // Екатеринбургская неделя. – 1880. – 30 июля (№ 30).
20. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1888 г. – Пермь, 1887. – Реклама.
21. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1893 г. – Пермь, 1892.
22. Почта // Энциклопедический словарь. – СПб. : Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – 1898. – Т. 48.
23. Почтовая открытка (предоставлена В. Микитюком).
24. ПСЗ. Собр. 1. Т. 14. № 10302.
25. ПСЗ. Собр. 2. Т. 55. № 61680.
26. ПСЗ. Собр. 3. Т. 20. № 18046.

27. Россия. Энциклопедический словарь. – Л., 1991.
28. Сведения о деятельности почтовых, почтово-телеграфных учреждений Пермской губернии, числе почтовых станций и валовом почтово-телеграфном доходе за 1895 г. // Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1897 год. – Пермь, 1897.
29. Сведения об Уральской железной дороге в 1890 г. Распределение движения грузов по наименованиям // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. – Пермь, 1891.
30. Сосчитано по: Почта // Энциклопедический словарь. – СПб. : Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – 1898. – Т. 48. – С. 803.
31. Список почтовых ящиков, размещенных по г. Перми // Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1912 г. – Пермь, 1911.
32. Указатель статей Устава Почтового, измененных, дополненных, замененных, исключенных или отмененных // Продолжение Свода законов Российской империи, издания 1893 года. – СПб., 1893.
33. Устав почтовый // Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XII. Ч. I: Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный. – СПб., 1857.
34. Цит. по: Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века / А.И. Рейтблат. – М., 1991. – С. 34–35.
35. Электронная библиотека [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gumfak.ru/econom_html/organiz/org23.shtml.
36. Электронный Сводный каталог русской книги XIX в. (1826–1917) [Электронный ресурс] / РГБ, РНБ, Корпорация «Электронный архив». – М., 2003.

Ю.И. Голосов, Г.А. Брагина, Л.П. Павлов
ЦИТиС, Москва

Информационные ресурсы ВНТИЦ для научных библиотек и высшей школы

В современном мире информационный ресурс в сфере науки и техники рассматривается как важнейшая стратегическая основа инновационного развития. В развитых странах постиндустриальное общество характеризуется как «общество знаний», которое способно поддерживать устойчивую эффективную экономику, основанную на внедрении инноваций и известную как «экономика знаний». Так как знание есть освоенная научная и техническая информация (НТИ), то очевидна и важнейшая роль источников НТИ и их депозитариев как хранителей и распространителей НТИ.

Следует отметить, что выдающиеся успехи, достигнутые советской наукой и техникой в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века, особенно в областях ракетостроения, атомного машиностроения и освоения космического пространства, стали предметом пристального внимания и анализа в США, при этом ведущие специалисты и аналитики США объясняли причины такого успеха наличием в СССР эффективных систем научно-технической информации и образования.

Эффективность постановки дела в области НТИ в СССР в значительной мере определялась действующей Государственной системой научно-технической информации (ГСНТИ), объединявшей усилия многих центральных и региональных центров НТИ и библиотек.

Однако в 1990-е гг. ГСНТИ оказалась на грани распада, и только принятое 27 июля 1997 г. постановление Правительства Российской Федерации № 950, утвердившее «Поло-